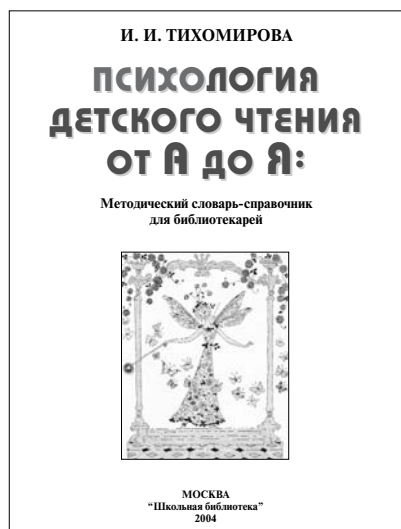

ЧИТАЛКА «ШБ»

И. И. ТИХОМИРОВА, доцент
Санкт-Петербургского государственного
университета культуры и искусств

Методический словарь-справочник для библиотекарей «Психология детского чтения от А до Я»*

Уважаемые друзья! Продолжаем публикацию статей Словаря-справочника для библиотекарей "Психология детского чтения от А до Я".

Справочник вышел отдельным изданием в приложении "Профессиональная библиотечка школьного библиотекаря", серия 1.

Те, кто не подписался на приложение, могут заказать это издание через редакцию (см. 3-ю с. обл.)

ИНФОРМАЦИЯ и традиционное чтение

Слово информация происходит от латинского information — разъяснение, изложение, ознакомление. Разные словари дают разное определение этого термина.

В одних это любые сведения, данные, сообщения, передаваемые человеку. В других — обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом, автоматом и автоматом.

В третьих, единица знания. И, наконец, словари по информатике толкуют информацию как совокупность знаний о фактических данных и зависимостях между ними. Так или иначе, информацией можно считать все то, что мы видим, слышим, можем передавать и получать в устной, письменной, графической или символической форме.

В массиве информации различают несколько видов, отвечающих на разные вопросы: декларативный (что, где, когда), проце-

дурный (как, каким образом), разъяснительный (почему, на каком основании). В постиндустриальном обществе информация признана главной движущей силой научного, технического и социального прогресса. С ней связывают новый уровень человеческой цивилизации.

В конце 20 века, когда бум информации, сопровождаемый бурным развитием средств массовой информации и новыми технологиями, достиг

нашей страны, в ее орбиту были включены и произведения печати и традиционное чтение. Чтение стало трактоваться как получение смысловой информации, заключенной в тексте. Широкое распространение в этой связи получило скорочтение, нацеленное на быстроту выборки из текста нужных сведений и на соответствующую реакцию глаз. Со временем в массив информации стали вводить и художественную литературу. Появились дайджесты, заменившие художественные полнотекстовые произведения. Изменилась литературоведческая лексика. В этом отношении показательно учебное пособие "Путешествие в страну книги", созданное сотрудниками РАО Г.

* Продолжение. Начало см. в №№ 5—10 за 2003 г., № 1, 2 (2004)

Граник и О.Соболевой, изданное в трех книгах в 1998 году и адресованное детям младшего школьного возраста и их родителям с целью увлечь чтением художественной литературы. Лучшим способом для этого был избран язык информации. Авторы так и объяснили детям: "Факты и события, о которых рассказывает автор, — это фактуальная информация, спрятанная за текстом — подтекстовая, основные мысли автора — это концептуальная информация". В данной лексике излагается содержание всех трех книг.

Постепенно на информационную лексику перешла и библиотека. Книжные богатства и иная печатная продукция, хранящаяся на полках библиотек наряду с электронными базами данных, переименована в массив информации, библиотечная деятельность — в информационную, а сама библиотека — в Центр информации.

На службу информации было поставлено подавляющее большинство инновационных начинаний библиотек. Культура чтения оказалась поглощенной информационной культурой и, потеряв свою специфику, приобрела технологический смысл. Характерно, что конкурс проектов "Библиотека на пороге 21 века", завершившийся в нашей стране в 1997 году, показал почти религиозное преклонение авторов перед новыми терминами, средствами и технологиями.

Преимущественно информационную функцию утвердил за библиотекой "Кодекс профессиональной этики". Победоносное шествие информации стало явью. Термин "Чтение" вышел из библиотечного употребления. Неслучайно в "Справочнике библиотекаря" (2000 г.) мы уже не найдем в предметном указателе этого слова.

Однако со временем стало ясно, что не информацией одной жив человек. И не ею одной определяется назначение библиотеки и чтения. Все чаще стали раздаваться голоса об иллюзорности всемогущества информации. **Все заметнее в гуманитарной сфере зазвучало мнение, что информация, удовлетворяющая утилитарным потребностям человека, не ведет к подъему культуры, к облагораживанию ума и сердца человека, не разрешает духовного кризиса: информированность и безнравственность хорошо уживаются друг с другом.** Требуется решительный поворот к этической культуре, художественно воплощенной в истинном искусстве. Информация должна быть уравновешена гуманизацией человека и, следовательно, чтением. **Вот почему все чаще мы наблюдаем протест учителей-словесников против информационного подхода к литературе. Они доказывают, что этот подход — ложный. Он не ведет учащихся к полноценному чтению, а уводит от него.** Литература при таком подходе перестает участвовать в нравственном становлении личности ребенка. У него нарушается воспри-

ятие, гасятся эмоции и воображение, снижается творческий потенциал, теряется способность словесного самовыражения. Человек ужесточается.

Более трезво на роль информации стали смотреть и библиотекари, не удовлетворенные своей прикладной функцией, перечеркнувшей природосообразную ей ранее миссию быть базой, стимулятором и школой чтения. В странах Запада, где раньше началась информатизация библиотек, раньше осознали и ее ограниченность. Примечателен факт, опубликованный в журнале "Библиотека" в 2002 году. Группа библиотекарей из России посетила Францию. При встрече с Ф.Дебристоном — директором медиатеки в одном из городов Франции — зашел разговор о миссии библиотеки. "Наша цель — информация", — сказали наши коллеги. Эта формулировка вызвала у французского коллеги возражение. "Без слова "культура" — все бессмысленно", — сказал он. Людям только кажется, что в информации есть все. Нельзя смешивать понятия Интернет и библиотека, информация и книга.

Одним из первых, кто у нас забил тревогу по поводу превращения книги в средство бездушной информации и отторжения подрастающего поколения от чтения, были детские и школьные библиотекари России.

Примечательно письмо Е.И. Голубевой — заместителя директора РГДБ — в газету "Книжное обозрение" (2000 г.) с названием "Гражданин читающий — национальная ценность России". В стране прошли Акции, Конгрессы, Форумы в защиту чтения, и, прежде всего, детского как явления духовности, нравственности, культуры.

Движение в защиту чтения поддержала пресса, книжные издательства, деятели культуры, психологи. Все это инициировало создание Федеральной программы "Чтение". При всей ценности программы с ее девизом "Сохраним духовность России", нацеленной на активизацию чтения в стране, в ней, однако, не уточнены позиции, касающиеся самой сути чтения. Информационный смысл этого явления остался преобладающим, как и соответствующее назначение библиотеки.

Значительным шагом вперед по пути осознания и реализации культурно-созидающей ценности чтения стали проходящие в стране в последние годы научно-практические конференции, посвященные библиотечному обслуживанию детей.

Уже сами названия конференций говорят за себя: "Дети и их чтение как духовный ресурс культуры" (Иркутск), "Дети и культура" (Чита), "Читающий ребенок — символ культуры нации" (Ноябрьск), "Чтение — основа всестороннего развития личности подростка" (Тюмень) и др. Как видно из тематики конференций, на место привычного для глаз слова "Информация" встали слова "Чте-

ние", "Культура", "Духовность". Названные слова прозвучали лейтмотивом во всех докладах и сообщениях, на круглых столах, на презентациях выставок, в мастер-классах, в психологических тренингах. Но дело не в словах, а в сути того, что за ними стоит. За ними стоит обеспечение права ребенка на читающее детство и реализация духовно-нравственного потенциала художественной литературы. На конференциях прозвучал важный вывод: детская библиотека достигла такого уровня, накопила такие ресурсы, что она по праву может занять место лидера в приобщении детей к чтению, стать школой читательского мастерства. **Не умаляя значения информации и информационной деятельности — веления времени, подчеркивалось, что превращение чтения только в средство потребления информации, а превращение библиотеки — в центр информации — отдаляет их от решения воспитательных задач, в чем так нуждаются дети и их родители. Великие духовные сокровища, хранящиеся в библиотеке, замораживаются или реализуются лишь на уровне выборки сведений. Делая ставку на информационную деятельность, библиотека растит потребителя, а не личность.**

Особое значение в деле осмысления культурной функции библиотеки и чтения имела конференция "Библиотека как культурный центр", прошедшая в РНБ в январе 2003 года. Выступление на ней В.М. Межуева, доктора философских наук, специалиста в области культурологии, прояснило вопрос: культурная миссия библиотеки состоит не в культурно-массовой работе, как думают многие (тогда как это только средство), а в организации ЧТЕНИЯ ее посетителей. Чтение — это то ядро, в котором потенциальная культура, содержащаяся в книжных фондах библиотеки, реализуясь в сознании читателей, преобразуется в новый пласт культуры. Чтение-культура-библиотека сливаются в единое целое, открывая новый вектор профессиональной деятельности, отличный (и в то же время неотделимый) от информационного. Он направлен не столько на удовлетворение запросов читателей, сколько на их корректировку, на селекцию чтения, на рекомендацию лучшего, наиболее значимого в книжном мире, на содействие более полному творческому освоению его, соответствующему жизненным задачам личности.

Все сказанное заставляет согласиться с американским психологом А.Ребером, автором "Большого толкового психологического словаря" (2000 г.), который отрицает понимание чтения как процесса, посредством которого извлекается информация из письменного или печатного текста. Он считает это определение заблуждением, которое затемняет глубокие, более важные аспекты этого сложного процесса. К сожалению, ученый не раскрывает затемненных информацией аспек-

тов чтения. Возьмем на себя смелость назвать некоторые из них.

Прежде чем подойти к решению вопросов: чем отличается чтение от получения информации и в какой взаимосвязи эти понятия находятся — зададимся другим, который поставил перед собой философ и психолог В. Розин в одной из своих статей: "Где мы находимся, когда читаем: перед текстом, внутри текста или за текстом?". Если мы находимся перед текстом, мы ищем в нем информацию, оперируем чужими словами и предложениями. Находясь внутри текста, мы включаемся всем существом в происходящее: сопереживаем, сожалеем, радуемся вместе с героями и авторами. Ребенок в этом случае говорит: "Я как будто жил среди ее героев", "Я как будто сам там был". Находясь за текстом, но под его влиянием, мы мысленно продуцируем новую реальность, в центре которой оказываемся мы сами. Если мы говорим о радости этого процесса и его возвышающем влиянии на человека, их дают только два последних, обеспечивающие эмоциональную вовлеченность и подлинную свободу творчества.

Нельзя отрицать информационной функции чтения художественной литературы. Знаменитый гуманист Ю. Лотман (а до него В.Г. Белинский), писал о том, что в романе "Евгений Онегин" дана обширная и разнообразная информация о дворянском хозяйстве, образовании, воспитании девушек, плане и интерьере помещичьего дома, быта в столице и провинции, развлечениях, почтовой службе, правилах дуэли и многом другом. Однако выбранная информация, как отмечает сам Ю. Лотман, лишь поверхностная часть содержания романа Пушкина. Под этим слоем — огромный мир идей, образов, чувств, переплетение ассоциаций, реминисценций, многообразие интонаций, иносказаний и других тонкостей, которые не "вычитаны" людьми и за 200 лет, которые в каждом читателей живут своей особой жизнью и отвечают на такие вопросы, каких поэт и предположить не мог. Погрузившись в эти глубины, читатель непредсказуемо реагирует на них, исходя из своего жизненного и читательского опыта. Пушкинские идеи, образы, аналогии и ассоциации рождают у читателя — свои собственные, не тождественные пушкинским, но возбужденные ими.

Как уже было сказано, информация — это совокупность знаний, предназначенных для передачи и потребления. Ее цель преимущественно прагматичная, а преобладающий мотив получения — польза, необходимость, деловая потребность. Мир информации опредмеченный, точный, подверженный формализации. В отличие от образного языка литературы, язык информации обеднен и принудительно однообразен. Он не предполагает многовариантности восприятия. С точки зрения информации "серый походный сюр-

тук" и "треугольная шляпа" — это только серый походный сюртук и треугольная шляпа — и больше ничего. Пушкин двумя чертами нарисовал образ Наполеона, а читатель, добавив нечто сверх того, воссоздал его в своем воображении. Если перевод художественных произведений, где масса иносказаний, — это проблема творческая, то перевод информации с одного языка на другой — преимущественно дело техники.

В художественном тексте, как выразилась поэтесса Новелла Матвеева, "не в соли соль, гвоздь тоже не в гвозде". Информатику оттенки и личное отношение к факту не нужны. То, чем сильна литература и что дает читателю полет фантазии, для информации только помеха. И еще: если для информации в тексте важны ключевые слова, то для подлинного читателя, читающего великое произведение, — нет НЕключевых; каждое слово, каждая запятая, каждая точка существенны. Вот что говорил, например, актер Игорь Ильинский о пьесах Гоголя: "В его пьесах все, что требуется актеру, написано, и потому там все без исключения важно, начиная от выразительнейших гоголевских ремарок и кончая знаками препинания, последовательностью слов в фразе, каждым многоточием, каждой паузой. Словом, нужно лишь правильно прочесть Гоголя — но какая бездна творческих барьеров заключена в этом "лишь!"".

Вот почему подлинный писатель избегает прямой информативности текста и ищет не слов-сообщений, а слов-образов. Показательный пример в этом плане дает критик Л.Озеров в статье "Ода эпитету". **Пользуясь черновиками Пушкина, он обратил внимание, что тот, ища эпитет к слову "лорнет", отверг первоначальный вариант — "позолоченный" — и сменил его на "разочарованный". Если первый ничего не прибавляет к образу Евгения Онегина, то второй — это косвенная характеристика хозяина лорнета, заменяющая собой целое описание.** В той же статье критик приводит синонимический ряд эпитетов, которые не могут быть адекватно переведены на язык информации. Среди них: несравненный, изумительный, восхитительный, волшебный, упоительный, исключительный, дивный, сказочный, бесподобный, великолепный, божественный. Каждое из названных прилагательных для информации ничто, ибо они не столько сообщают, сколько возбуждают в читателе его собственные образы, чувственные представления и размышления.

Стоит подойти к искусству с меркой информации, как оно тотчас же вянет. Многозначность слова, индивидуальный стиль и интонация автора, весь неопредмеченный мир: мечты, чувства, аналогии, ассоциации, сравнения — все пропадает. Литература обедняется, а с ней вместе обедняется и читатель. Художественное произведение в этом случае не касается его личности, не вызывает к обратной связи. Отдавая все стерео-

типному левому полушарию, человек теряет работу правого, ведающего творчеством, фантазией, аналоговым мышлением, вдохновением и озарением. Потери здесь невосполнимы. И человек, питающийся только информацией, для культуры, искусства — погиб: он теряет огромный комплекс своей духовной энергии.

Размышление о соотношении понятий "получение информации" и "традиционное чтение" приводит нас еще к одному существенному различию между ними. Информацию мы получаем в виде готового продукта, выработанного не нами. Продукт же чтения получить нельзя: его создает сам читатель. Это рожденные им самим впечатления, мысли, чувства, образы, аналогии, мечты, воспоминания и многое другое. Читая, человек не только вос-принимает написанное, но и вос-создает новое по тем меркам, какие согласуются с его душевной организацией. Поэтому неслучайно, полноценное чтение иногда называют созидющим, помогающим человеку выстраивать мир в полнотвучии и многокрасочности.

Следует признать, что сделанная нами попытка соотнести информацию и чтение огрубляет, упрощает истинное положение дела. Есть книги и книги, есть чтение и чтение. Нельзя сбрасывать со счетов целый пласт изданий, специально предназначенных для получения информации: справочники, словари, энциклопедии. Сюда, частично, можно отнести и научную литературу. Нельзя отрицать и чтения, нацеленного исключительно на информацию. Даже применительно к художественной литературе оно порой необходимо (выполнение разного рода заданий, выборка нужного материала, цитирование). Надо учесть, что есть среди художественных произведений масса таких, которые кроме информации (сюжетной закрученности) ничего иного в себе не несут. Наше стремление обнажить различия продиктовано стремлением показать вспомогательную роль информации, когда речь идет о подлинной литературе и полноценном чтении.

Все сказанное имеет прямое отношение к библиотечной работе с детьми, как и ко всей сфере руководства чтением. Не мы ли зачастую сводим литературное воспитание к проведению многочисленных викторин, списанных с "Поля чудес" и ему подобных шоу, держим читателя в плену вопросов "Что", "Кто", "Где", "Когда", "Сколько", не стимулируя проникновения в глубину текста, не побуждая к самостоятельным мыслям и чувствам? Как повернуть горизонтальное движение мысли читающего ребенка, во многом зависит от руководителя чтением. Наглядный пример такого "поворота" со всеми его частностями дает нам известный в России учитель В.Левин в своей книге "Когда маленький школьник становится большим читателем". Он предложил маленьким школьникам прочесть рассказ Л.Толстого "Косточка". В ре-

зультате первого, по сути, информационного чтения, этот мини-рассказ был воспринят детьми как рассказ на тему "не укради" и показался им очень простым и понятным, не требующим обсуждения. Затем учитель попросил заполнить чувствами не только каждую строку, но и все пространство, находящееся между строк, и под ними и над строками, направляя их работу соответствующими вопросами. В результате рассказ превратился в сложный, загадочный, философский. Он стал произведением совсем о другом — о доброте, взаимопонимании и согласии в семье, о великодушии и радости прощения. Эта смена содержания рассказа произошла в результате смены способов чтения — информационного на созидающий, продуктивный, творческий.

Подобное движение мысли читателя библиотекарь найдет и в книге И.Н.Тимофеевой "Что и как читать вашему ребенку от года до десяти", которую мы не раз упоминали. Стоит прочитать хотя бы одну беседу автора с читателем по книге

М.Твена "Принц и нищий", чтобы убедиться, как, отталкиваясь от сюжета повести (информации), автор ведет читателя к таким нравственным глубинам, которые способны потрясать.

ЛИТЕРАТУРА:

Айзерман Л. Зачем я сегодня иду на урок литературы // Знамя. — 2003ю. — №5. — С. 177-187.

Левин В. Когда маленький школьник становится большим читателем. — М.:Лайда, 1994. — 192 с.

Сурова Л. Методика диалогового чтения// Воспитание школьников. — 2001. — №8. — С.39-43.

Тихомирова И.И. Понятие чтения в контексте стратегий читательской деятельности // Вестник библиотечной ассоциации Евразии. — 2003. — № 1. — С.65-68.

Троицкий В. На путях к духовным истокам созидающего чтения // Воспитание школьников — 1998. — №6. — С.20-25.

И. И. ТИХОМИРОВА,
доцент Санкт-Петербургского государственного
университета культуры и искусств

Онегин и детское чтение сегодня

По следам наших публикаций.

Отклик на статью Ю.Н. Столярова "Роль книги, библиотеки в судьбе героев «Евгения Онегина» («ШБ» №8, 2003).

Уважаемый Юрий Николаевич!

С большим вниманием и не один раз прочитала Вашу блистательную статью о роли книги и библиотеки в судьбе героев «Евгения Онегина». Вашими усилиями роман Пушкина засверкал новыми гранями, столь близкими нашему библиотечному сердцу. Рассмотрение судеб героев романа под углом зрения их чтения, безусловно, привлечет внимание неравнодушных учителей-словесников и думающих библиотекарей, и они найдут способ использования этого ценного материала в своей работе. Я лично собираюсь с Вашей статьи начать первую тему курса «Психология детского чтения», посвященную феномену «Чтение». **Но главный**

смысл Вашей статьи я вижу не в ее прикладном значении, а в ее социально-философском звучании, выходящем за рамки пушкинского романа и касающемся судьбы каждого из нас и судьбы России в целом.

Многие авторы обращали внимание на репертуар чтения героев романа «Евгений Онегин». Но, как мне известно, ни один из них не копнул в этом ракурсе роман так глубоко, как это сделали Вы. Вы вычленили проблему чтения в самостоятельный предмет исследования, и не только выявили пушкинские строки, прямо или косвенно касающиеся поднятой темы, не только интерпретировали их в контексте драматических судеб героев романа, но вышли

